

Вырезка из газеты

КРАСНЫЙ СЕВЕР

г. Вологда

- 7 СЕН 1982

2204 „КОСТРЫ НА ВЕТРУ“

Сразу скажу, что о новой книге критика Василия Оботурова* писать трудно. Тем более — рассказать о ней в короткой газетной статье. настолько плотно написана эта книга, настолько насыщена она жизненными и литературными фактами, детальными разборами и примерами. Работы В. Оботурова всегда отличались основательностью в постановке проблем и scrupulousностью в их решении.

К своей книге о Сергее Орлове критик шел долго — через журнальные публикации, сборник «Степень родства», о писателях-вологодцах, вышедший в свет пять лет назад. В нынешней книге Василий Оботуров, как отмечено в аннотации, пишет не только о жизни и творчестве своего земляка — известного советского поэта Сергея Сергеевича Орлова, лауреата Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького. Одновременно это и литературоведческое исследование того, чем жило и живет целое поэтическое поколение, чья муза прошла через огонь самой грозной и самой страшной, самой смертельной и героической войны, какой остается в истории Великая Отечественная.

Это главное. Пройдем же теперь, хотя бы цинтирно, по страницам книги. И остановимся не столько на обобщениях, сколько на выразительных деталях.

Хотя и говорил Орлов, что ве войны рождают поэтов, а поэтами становятся «вопреки войне», но в начале любой книги о нем всегда будет полыханье огня, скрежет танков, кровь и пот страшной схватки с врагом. Личо войны — не прекрасный лик. Вот почему критик, как бы взглянув на те далекие годы глазами С. Орлова, говорит о войне суровую, порою жестокою правду: «Романтически настроенным юношам, что насмотрелись не в меру «героических» фильмов, война порою представляется как непрерывная серия подвигов в разведке или в удачных штыковых атаках...». А война — это еще и тяжелейший ратный труд, грязь, иногда страх (будем называть вещи своими именами). И мучительное состояние перед атакой:

Лишь только бы скорей
ракета,
Чтоб заряжать, хрипеть,
стрелять,

Но лишь не ожиданье это.

После этих строк идет у В. Оботурова их разбор: «Чтобы передать настроение, владеющее воинами, в его психологической достоверности, Сергей Орлов прибегает и к грубоватым солдатским фразеологизмам, нагнетает и динамичные глагольные формы». В

другом месте критик высказывает предположение, что многие из жестких и трагичных своих стихов поэт не мог опубликовать в трудные послевоенные годы. Читатели увидели их только в посмертной книге «Костры» («Советский писатель», 1979).

Сходная мысль встречалась мне и в изданной недавно работе Валерия Деметьева «Мой лейтенант», тоже об Орлове. Действительно, теперь мы можем шире взглянуть на фронтную лирику поэта-танкиста, она представляется нам значительнее. Но все же не «гораздо значительнее», как говорит об этом В. Оботуров. Не могу здесь согласиться с критиком, да и сам он, по сути, почти опровергает это свое суждение, когда анализирует давно и широко известное стихотворение Орлова. Ведь даже от урвы мы ждем не подробного репортажного отчета о событиях, а художественных находок и обобщений. Лучшие фронтные стихи поэта — «Плеще марша», «Его зарыли в шар земной...», «Вот человек...», «А мы такую книгу прочитали...» — говорят

поэтов нового поколения. — Н. Рубцова, Ю. Кузнецова. Таким образом, творчество Сергея Орлова рассматривается на достаточно широком литературном фоне.

Не пытаясь сгладить углы, критик пишет и о довольно длительном творческом спаде у поэта, из которого Орлов с честью вышел и стал таким, каким мы его теперь знаем — поэтом мысли, большого гражданского звучания. Он был еще и незаурядным теоретиком поэзии, вообще искусства. Его статьи о поэтах и поэзии, собранные в книге «Наедине с тобой», конечно, помогли критику найти ключи к исследованию стихов самого Орлова. Правда, тут есть опасность полного отождествления поэтической теории и практики. А даже если у них один, так сказать, автор, они все равно могут не совпадать.

Но безусловно, верны слова В. Оботурова, созвучные мыслям и самого поэта: «Лирика становится истинно философской не тогда, когда стихи пишутся на заданный тезис, но в том случае, если мысль рождается вместе с образом и в нем себя утверждает, — тогда стихи и становятся поэзией». Именно поэту-философу принадлежат, например, строки:

...И нету у жизни и смерти
предела,
И времени ветер
не знает различий.
Метет он незримый,
но видимый взору,
Срываются звезды,
восходят растения,
Метет, а в казне там дали,
просторы —
Ни звука оттуда, ни эха,
ни тень...

Едва ли не впервые в нашей критике так подробно исследует Василий Оботуров творческую эволюцию Орлова, его «невоенные» стихи, его эстетические взгляды. Кстати, только что процитированные строки о ветре связаны и с названием книги — «Костры на ветру». Костер — один из любимых образов поэта. Пройдя большой жизненный путь, по своему меняясь з пути, Орлов не имел права забыть священные костры Великой Отечественной. «До последнего часа танкист-поэт Сергей Орлов остался верен себе, идеалам своей опаленной юности». Ветер времени не погасил те далекие костры. На этом ветру возник оригинальный художественный мир поэта. К нему будут обращаться читатели и вместе с критиками они будут искать точки сцепления разных звеньев этого мира в единое целое.

Как сказал один писатель, поэзия Орлова ждет «второго открытия», и оно неизбежно. Книга Василия Оботурова, следующая художественные и нравственные ценности творческого наследия поэта, приближает это открытие.

В. БЕЛКОВ.

НОВЫЕ КНИГИ

сами за себя. Да и во многих послевоенных стихах, тоже про «сороковые-доковые», нет крови, а есть вера в человека и та «светлая грусть», которая дает силы. Это народное мироощущение, самое ценное в поэзии.

Очень интересны те страницы книги «Костры на ветру», где автор пишет о «переходе» С. Орлова от войны к мирной жизни, о первых его стихах в новой, непривычной обстановке. Ситуация, конечно, сложнейшая! Поэт «размыслил об обыденности жизни», но и о том, что на войне, с одной стороны, все было яснее и проще, о том, что «и воин, вернувшийся из похода, вдруг может оказаться чрезмерно осторожным, рыбаком — трусливым, моряком — запойным». О, поэт знал на опыте, как много сложенных судеб осталось последствием войны! Но тут нет безысходности: меру собственного самоутверждения в любых обстоятельствах каждый должен найти сам...». Здесь мне кажется, — один из истоков поздней философской лирики Сергея Орлова, о которой дальше так подробно говорит критик. Здесь же — история становления самого поэта в том мире, «где нет ячеек пулеметных...».

Надо отметить, что читатель встретит на страницах книги Василия Оботурова имена многих поэтов-сверстников Орлова, прошедших сходный жизненный путь: С. Наровчатова, Н. Старшинова, Я. Друнной, Е. Винокурова... Да имена известных прозаиков и

* В. Оботуров. «Костры на ветру» (поэзия Сергея Орлова). Архангельск, 1982.